

У

тром вызвал меня главный редактор нашей газеты «Коммуна» Андрей Николаевич. На дворе июль, для Воронежа он на этот раз выдался жарким, ни капли дождя не пролилось. Стояла духота, парило.

— Итак, молодой человек, — строго сказал редактор, — тебе предстоит поездка в Красноармейский район. Она связана с военной тематикой. Есть там один фронтовик с интересной судьбой, надо бы побеседовать с ним. И про войну, и про оккупацию. Пантелей Яковлевич Симонов. Нужно почаще рассказывать о таких людях. Десять лет после войны прошло, а наше подрастающее поколение до сих пор не все знает о ней! А патриотизм надо воспитывать. Вон американцы грозят нам своими атомными бомбами... В Корее какую войну устроили!

— Да, Андрей Николаевич. А куда именно я поеду?

— Мастюгино! Село, скажу тебе, с редкой историей. В нем не было крепостных, и многие его жители были высланы когда-то из Москвы самим Иоанном Грозным. Даже некоторые из шайки Стеньки Разина в этом селе пустили корни.

— Про Стеньку это уж байки, наверное. — Я незаметно усмехнулся.

— Надеюсь, ты найдешь интересную правдивую информацию, ты у нас парень толковый.

— А если ваш фронтовик неохотно будет общаться?

— Тогда грош цена тебе как журналисту. Ты должен найти ключ к нему. Без сомнения, справишься, — парировал редактор. — В общем, пожалуй суточные — и вперед!

Я совсем сник, подумаю о пыльных дорогах и незнакомых местах. Невольно вспомнил Кнута Гамсуна, как он путешествовал и описывал в своих дневниках Воронеж и те самые места, где мне теперь предстояло побывать.

Спасаясь от жары, я пошел на набережную. Здесь было многолюдно. Воронеж после двухсотдневной оккупации в 1942-м был разрушен полностью, но за последние годы заметно ожил, на многих улицах возвели новые здания на месте развалин. Жизнь налаживалась. Словно и не было войны, будто не испытал город страшной боли, а жители не прятались от бомбежек и артобстрелов в подвалах, не голодали, не делились последним куском хлеба. Время прошло достаточно, а сколько по-прежнему осталось израненных сердец, сколько одиноких женщин с детьми на руках, сколько погибших, сколько искалеченных судеб! Теперь все это минуло, только нет ему забвения. Я думал, о чем буду спрашивать Пантелея. Снится ли ему война? Не боится ли он остаться голодным? И страшно ли было воевать? Многие, но далеко не все, научились жить с болью от прошлого. Я тоже видел войну, совсем мальчиком: сейчас мне двадцать три, я закончил учебу, стал журналистом, но все же помню и налеты фашистской авиации, и горящие в полях танки. Но все-таки нам с мамой повезло: в эвакуацию мы с ней перебрались к ее тетке в Москву, там было не так страшно.

Знали ли те, кто воевал, каким он будет дальше, этот желанный для всех мир? Что нас ждет после Победы? Кажется, угроза новой, еще более страшной войны...

Тем не менее, вокруг беззаботно бегали дети, их звонкие голоса разносил ветер, счастливые влюбленные сидели у воды и шептались о чем-то своем, сокровенном.

Сегодняшний вечер я провел в библиотеке, просматривая газеты и книги военных лет, чтобы лучше подготовиться к встрече с Пантелеем Яковлевичем. Заодно раздумывал, что меня ждет в селе Мастюгино, которое располагается в семидесяти километрах южнее Воронежа.

Добирался я туда на перекладных: автобус ходил редко, и мне не посчастливилось попасть на него. Для героя будущего очерка я прикупил городских гостинцев: сигареты «Прима», чай грузинский, конфеты, консервы и душистое мыло.

Погода по-прежнему стояла жаркая.

Добирался на попутках. Вначале грузовиком до Борщева, далее с другим шофером — до Яблочного, а третий высадил меня у Оськино. Там мне повезло. Я остановил самосвал из Мастюгино, и его водитель Василий подбросил меня до своего родного села. Василий был молодой, курносый, чернобровый парень с веселым нравом, по дороге он то и дело напевал песни. И, надо сказать, у него это отлично получалось. Так мы с песнями и смехом ехали. Я смотрел в окно.

— Вон, гляди, наше Мастюгино на горе! — Вася пытался перекричать шум мотора. Подбородком кивнул в сторону села и еще крепче вцепился в баранку.

— Да, заметил! — так же громко отозвался я.

— А ты к кому едешь? У гости, небось?

Я удивился егоговору: так колоритно прозвучало это «у гости».

— Да, у гости, — усмехнулся я. — К Пантелею Симонову.

— К дядьке Пантелею, что ли? К сапожнику?

— Он сапожник? — переспросил я.

— Еще какой! Со всех сел едут к нему. Мне хорошие ботинки сшил, а жене моей сапожки гладенькие, хоть «яблочко» в них пляши.

— Вот так красота! — подбодрил я шофера. — А что он любит? — Я решил прощупать почву, заранее искал возможность понять Пантелея.

— Как что? Про что ты балакаешь?

— Ну, например, он любит самогона выпить?

— Да какой мужик от такого дела откажется! Но только Пантелей не выпивает. Он чай любит. За самоваром о войне частенько рассказывает. Он человек крепкий душой. Сталинград прошел, зенитчик.

Шофер снова принялся напевать знакомую мелодию.

Мастюгино стояло на горе, и небо там, казалось, можно было рукой достать. Пышные облака зависли над головой, день катился к вечеру. Солнце сменило гнев на милость и перестало нещадно палить. Объявился прохладный ветер. Ароматы полей и леса вкупе с ароматами фермы стали острее и явственнее. Я ощутил настоящие запахи деревни. Деревня словно мать: не перепутать аромат ее ни с каким другим.

Из кабины машины я глядел на взгорья, когда мы с трассы свернули на проселочную дорогу, пыльную и меловую. Яркие зеленые холмы прижимались к дороге. Мелькали деревья, поля. Ветер взъерошивал в поле наливную пшеницу. Шофер сбавил скорость, и мы медленно въехали в село. Первое, что я увидел, — это маленькая, унылая хатка, которая стояла сразу у въезда в село: ни забора, ни калитки, лишь вокруг козы паслись.

После того как машина Василия уехала, пыль стояла еще несколько минут.

Самое удивительное: как только я выпрыгнул из кабины самосвала и оказался на земле, за несколько минут посмотреть на меня сбежалась вся местная ребятня. Чумазые ребятишки здоровались со мной, дергали за полы пиджака, любознательные детские глаза изучали меня. Одежда на них была старенькая, не по возрасту, с чужого плеча. Кто был бос, кто в старых ботинках.

Я как догадывался, хоть конфет прикупил достаточно — московских и воронежских, шоколадных.

— Идите сюда, сорванцы, будет вам угощение!

Ребятишки приняли меня с радостью, забавно тянули ко мне свои детские ладони.

Когда я все конфеты раздал, решил спросить:

— Вы Пантелея Симонова знаете, сапожника?

Дети с жадностью уплетали конфеты.

— Знаем, знаем! — в один голос заорали они. — Он на залесе живет.

— Вот как? То есть у леса? — переспросил я. — Так ведите меня к нему.

И ребята весело потащили меня за собой.

Надо сказать, идти пришлось довольно долго: с центральной улицы свернули в переулок и потом вышли на прямую длинную улочку без домов, с одними огородами и, наконец, уперлись в залес.

Дети по дороге баловались, тащили меня за полы пиджака. Мы успели познакомиться, я расспрашивал их о селе. В результате я снял пиджак и закинул за плечо. Наконец мы пришли.

— Вот дом деда Пантелея!

Калитка была приоткрыта, ребята подтолкнули меня, и я неожиданно для себя оказался на широком дворе. Здесь под яблоней на маленьком деревянном стуле сидел мужчина лет пятидесяти, в очках и фуражке. Я подошел ближе. Он старательно набивал на колодку труфель.

— Здравствуйте, вы Пантелей Яковлевич?

— Да, а ты, чей будешь-то? — Пантелей смотрел на меня, чуть щурясь. — На ночь глядя, откуда же?

— Пантелей Яковлевич, я из Воронежа. Пустите к себе переночевать?

— Коль надо, место всегда найдем... Так ты с Воронежа, говоришь? Звать как тебя?

Я решил ответить на местном диалекте, но это у меня не очень получилось:

— Да, с Воронежа. Звать Сергеем. Надесь вот добрался до вас, статья для газеты мне поручили написать. Я корреспондент «Коммуны».

— Вот как? Это хорошо. Знаю такую! Наша родная газета! Познакомься, а это моя супруга Татьяна.

Я поздоровался с женщиной, которая носила воду из колодца во дворе в бочку, а оттуда уже поливала помидоры, которые росли тут же на грядках. Женщина настороженно поклонилась и, не сказав ни слова, продолжила свои дела.

До темноты мы с Пантелеем Яковлевичем беседовали под яблоней, потом зашли в хату. Татьяна хлопотала, выставляя на стол разные припасы. На столе уже стоял горячий дымившийся самовар и лежали пряники, варенье и румяный хлеб. Пока чай остывал, Пантелей Яковлевич провел меня по дому.

Жил он хорошо, уютно. Хата небольшая, три комнаты, самая дальняя — с одним окном, еще чулан для всяких снастей и провианта, просторные сенцы и крыльцо. В «моей» комнате кровать с железной сеткой и диванчик. Шифоньер, несколько сундуков и стол. Во второй комнате-кухне — русская печка, лавки и большой буфет с посудой. Все скромно, но глядится с особой теплотой.

— Будем пить чай со свежей земляничкой и грушевым вареньем, — сказал Пантелей. — Аромат от земляники на весь двор стоит, почувял?

— Да, очень сладко и ароматно пахнет.

— Она у нас по буграм растет, где левада.

Татьяна налила мне чаю в чашку с блюдцем. Было видно, что сервиз новенький, для гостей берегли и чашки, и заварочный чайник. Я поблагодарил хозяина за гостеприимство.

— Угощайтесь, — потчевала меня хозяйка, подкладывая пряники и ягоды.

Пантелей отпил глоток чая:

— А пряники Татьяна сама печет... Сейчас мало кто умеет, молодежь не хочет возиться, а мы не теряем традицию.

Я отломил от белоснежного узорного пряника уголок, попробовал.

— Очень вкусно! И вообще хорошо у вас, свежо и не жарко, — похвалил я их дом.

— Новая хата, особо и не обжились еще. Нашу старую разбомбили фашисты, — горестно рассказывал Пантелей. — Девять верст ведь было до линии фронта. Мадяр пришел, оккупировали все...

Мы говорили долго, много интересного знал Пантелей. Про оккупацию, про войну.

— Слышал я, вы на трех войнах побывали?

— Вот люди все расскажут! Да, правда. Меня призвали в армию в 1940 году. Вначале в Москве был, а как началась война, в Смоленск перебросили, это уже 1942 год. Назначили командиром противотанкового орудия. Там контузило меня. И под Сталинградом я был зенитчиком.

— Что было самое страшное?

— Самое страшное — это когда нет веры в победу. Тогда и смысла жизни нет. Но мы все верили в нее. Удивительно другое. Каждый раз вокруг меня в бою погибали все, но я выживал. Пули свистели мимо, осколки летели мимо, снаряды рвались рядом. Бог дал, и я выжил.

— И в Японии были?

— Пришлось, через Манчжурию мы рванули добывать фашистских прихвостней. Горы проходить тяжело. Условия — не приведи господи. Выжили, за это и медаль мне дали «За боевые заслуги». Да что я все о себе? Какие орлы со мной рядом воевали! В общем, для обстоятельной беседы у нас с тобой завтра время еще будет, — сказал Пантелей Яковлевич. — А сейчас отдохни с дороги.

И вот я оказался маленькой комнатухе с огромной кроватью, как я понял — гостевой. Хозяйка любезно постелила мне, и я пожелал ей доброй ночи.

Надо сказать, что еще не совсем ночь была: по городским меркам, время, можно сказать, детское, но мне почему-то хотелось спать. Сказывалась дорожная усталость. Эмоции!

Окна в комнате были открыты настежь, пришла вечерняя прохлада. Как только я прилег на кровать и стал погружаться в сон, как вдруг услышал... плач. Он шел с улицы. Я вначале подумал, что мне чудится, но плакали явно реально. Плач усиливался, и я отчетливо слышал, что плачет женщина. Я укрыл голову подушкой, но это не помогло, перевернулся со стороны на сторону, с боку на бок — нет, не помогает. «Да что же это такое?!»

Я оделся и вышел во двор.

Там на дубках возле хаты сидел Пантелей, в руках у него были рыбацкие сети. Я молча устроился рядом. От сетей пахло тиной и рыбой.

— Вот собираюсь на Дон. Лодку достал, сети чиню... — Пантелей улыбнулся.

— Рыбалку любите?

— А как же! И вообще хорошо на рассвете на Дону! Да и рыба будет. Середина месяца. Особое время для лова. А тебя Сонюшкины слезы разбудили?

— Сонюшкины слезы? — переспросил я.

— Ну да, — ответил Пантелей. — Софья, соседка моя, плачет. Сколько лет прошло лет после войны, и она уже женщина в годах, а до сих пор по мужу убивается. Как вспомнит своего Алешу, так и ревет.

Ночь потихоньку опускалась на село, звезды рассыпались по небу. Село стояло на горе, и небо казалось таким близким. Голос Пантелея зазвучал тихо, он старался, чтобы никто не слышал нашей беседы.

— Она так по мужу плачет, потому что больно он любимый ей был. Да и детей осталось пятеро без отца, а она одна с ними. Он на войне погиб, а может, и не погиб.

— То есть, как «может, и не погиб»?

— Пропал без вести ее Алеша.

— В годы войны многие пропали...

— Похоронки не было! Все ждала его и до сих пор, считай, десятый год ждет. Перебиваясь с детьми с хлеба на воду. Как-то пришел уполномоченный и сказал, что суд постановил ей ходить на принудиловку в колхоз всю зиму и весну, а это семь километров пешком по полям в другое село. И вот она оставляла крошечных детей на старую свекровь и до самого вечера работала бесплатно. Куска хлеба за то не дали. Одни палочки трудовой.

— Боже мой, да за что же это такое?

— За то, что не вступила в колхоз. Кулацкая дочь она. Зима, холод и страшный голод, а детки, сидя на печке, пели молитвы в ожидании матери. Одни жили. После того как мужа не стало, кто к ней только не сватался, она баба видная, но Соня не поглядела ни на кого другого. Любовь у них была огромная с Алешой. Жили они вначале хорошо, в счастье и любви. Сам Бог помогал Софье и Алексею. Сонечка была дочерью Василия Грызлова, зажиточного человека, породистого и уважаемого в селе Мастюгино. Жил он очень богато. Ни в чем нужды не имел. У него сад был в половину села, в этом саду ни ростка сорной травы не было, ухоженный, даже мусорные ведра стояли, чистота и порядок. Всякая живность водилась: лошади, бараны, телята, козы. Им все завидовали, глядя на их дружное семейство. Было у него пять дочерей, красотой славились на всю округу. И два сына. Дочек своих двух, Дарью и Надежду, он выдал замуж за помещиков, рано отдал и ловко, у каждой прислуга была. А Соня влюбилась в бедного, но хорошего человека, у которого хатенка, лошадачка да старушка-мать. Отец, конечно, не хотел отдавать Соню, не желал он ей такой бедности, так разве уговоришь? Молодость и любовь свое взяли. В конце концов смирился отец. Как же иначе — очень он любил свою Сонечку! Мечтал Василий, что в золоте его дочери ходить будут, денег накопил много: продавал из поместья фрукты и живность — овец, коз, телят. Все возил на здешний базар, а когда и в Воронеж, и в Москву ездил, купец еще какой был. Да не судьба... Род Грызловых был старинный, их потомков выслали сюда из Москвы сам Иоанн Грозный — за какую-то провинность.

Соня уже была замужем за Алексеем, когда раскулачивать начали. Брøde простой крестьянин Алеша, ничего не было у него в хозяйстве с избытком, а пришли отбирать все, что нашли. Съестное забрали, а коровку когда уводили, так люди рассказывали, что плакала она. Хоть и говорят, что у животинки души нет, но слезы стояли в коровьих глазах. Алеша едва свою Сонечку успокоил, ведь коровка только от голода их и спасала: то молочко, то творожок — все деткам перемога. Активисты, которые их добро отбирали, пошли в чулан рыскать, а там на полке лежала шапка меховая. Соня спрятала семечки для деток в ней. Так один из активистов по прозвищу Моря семечки те нашел и на дворе наземь высыпал. Раскидал черные семечки по белому снегу, а шапку-ушанку меховую надел на себя. А еще во дворе стояла лошадка, хромая и слабая, но Алешка на ней умудрялся подрабатывать: то землю кому вспашет, то горшки продавать возил из Оськино с горшечником. Вот так деток и Сонечку свою кормил худо-бедно. А она не роптала, как бы нелегко им ни жилось. Что ей роптать было? Молилась и любила своего Алешу. Любовь ее сильна была. Ведь семья от нее, можно сказать, отвернулась. Василий за род стоял: они, Грызловы, как говорят, в селе с самого основания, и земля в центре села сразу им досталась. Умирал дед Василия, Тит его звали, а невестка рожала, так он, как узнал, что мальчик появился, закричал:

«Род Грызловых будет жить!» Сын-то его еще раньше помер совсем молодой, никто не знал от чего, когда мать Василия только носила дитя... Так вот, после того, как Моня разбросал семечки по всему двору, он подошел к лошадке и со всех сил ударил ее по ногам. Тут лошадка и упала, после чего активисты взяли все, что собрали, и ушли, насвистывая. Не выходила больше во двор Соня, управлялась в доме, только молилась, старалась не думать, как они теперь будут без лошадки, без коровки. Лишь один раз спросила: «Алеша, как же мы теперь?»

Алеша любимую жену принялся успокаивать и сказал: «Утро вечера мудренее. Ты же у меня Софья, мудрая».

А утром Соня говорит ему: «Лошадка издохла, наверное, не хочу глядеть на это, жалко мне, иди один». Через пару минут Алеша начал звать жену во двор. Она сперва идти не желала, но с опаской вышла на крыльцо. И видит такую картину: на заднем дворе бегают лошадки, живая и не хромают!

Тут Пантелей закашлялся и помолчал.

— Ну, продолжим... «Как же так, Алеша?» — спросила Соня. Алеша улыбнулся и сказал: «Это нам помощь Божья». Запряг лошадку и поехал по деревням продавать глиняную посуду.

С Богом проводила в дорогу супруга Соня. Может быть, удастся немного подзаработать, а то у них ведь совсем ничего не осталось. Нечего было детям дать. А на дворе зима.

Зимний день труден, короток, так что люди в это время неохотно покупают посуду, да и дорога зимой тяжкая. Алеша мало получил от горшечника в тот день, загрузил, затревожился. День уже клонился к вечеру, солнце садилось. Да и мороз крепчал: успеть бы засветло доехать, думал он, подгоняя лошадку. Совсем немного оставалось до родного села, как вдруг под горой поравнялся с ним старичок на подводе. И окликнул Алешу:

— Мил человек, далеко ли путь держишь?

Незнакомым показался Алексею дедушка, но он заговорил с ним:

— Батюшка, до Мастюгино еду, тут рукой подать.

— А откуда путь держишь?

— Да вот по селам горшки да крынки продавал.

— Значит, помочь мне сможешь. — Старичок ловко, словно молодой парень, прыгнул с подводы и подошел к Алеше.

— Помогу, коли в моих силах. А что нужно сделать?

Дедушка так тихо и говорит:

— Купи у меня муки, прошу тебя. Мешочек. — И показал на подводу.

— Да я бы с радостью, только заработал мало сегодня. Я ведь вожу товар торговца из Оськино, это его посуда. Батюшка, купил бы я твоей мучицы, ведь дети дома голодные и активисты последнее отняли, но не хватил моих денежек.

— А сколько у тебя есть? — настойчиво спросил дедушка. Алеша полез за пазуху, достал маленький узелочек, наклонился и начал отсчитывать.

Считать особо и нечего было. Алеша поднял глаза, чтобы сказать дедушке, сколько в узелке, глянул — а деда-то и нет. И подводы дедушкиной как не бывало. Алеша, человек верующий, перекрестился с удивлением и пошел к своей лошадке. А когда запрыгнул на сани, так и замер. Мешок с мукой лежал на его санях! Не помня себя от счастья, Алеша хлестнул лошадку и как на крыльях домчался до дома. Бросил все и побежал в дом:

— Сонечка, Сонечка беги во двор! Посмотри, что я привез!

Соня выбежала на заснеженный двор, разглядела на санях большой мешок с мукой. Алеша обнял любимую жену, которая стояла и плакала. А он прижимал ее к сердцу и приговаривал: «Чудо, Божие чудо! Теперь деток накормим!»

— Как же тебе удалось? — растерянно спросила жена.

— За все Господа благодарю. Его милость к нам и правда велика. — Тут Алеша вспомнил мать свою, Марфу. Не напрасно она всегда говорила: «Моя молитва вам поможет», — очень верующей была. Даже в лютый мороз ходила в храм. Батюшка служит, глянёт — а она одна стоит, поклонки кладет.

А у отца Сони отняли все. Какой сад был! Гектар земли под сад только, а сад такой, что все мечтали там хотя бы ногой ступить и поесть тамошних невиданных яблок да груш с абрикосами. Когда раскулачивали Василия, все добро вывезли, отняли, шомполами протыкали мешки с пшеницей. Даже в печи борщ стоял — его вылили, а мясо съели. Гол как сокол остался Василий. Но не мстил, как другие кулаки: спокойный и верующий человек он был. Смирено принимал боль судьбы...

Пантелей замолчал. Потом вздохнул:

— А Надежду, другую дочку Василия, отправили в ГУЛАГ. После того как мужа в Сибирь отправили, дом у нее отняли, а саму выгнали. Она с грудным ребеночком бежала. Возле церкви ее догнали активисты, сняли шубу, валенки и в нижней рубахе пустили на мороз. Соня хотела спасти сестру, и бросила ребенка под лошадь. Пока активисты замешкались, Надежда убежала. Но ненадолго она укрылась от злодеев: потом ее все-таки отправили в ссылку с ребенком. Старшая дочка, Дарья, потеряла мужа, расстреляли его. И детей она не сберегла. Сын Иван у нее поэтом был. Убежал из дома в семнадцать лет, лишь оставил записку матери, пока та на работе была: «Мама, прости, я ушел добровольцем в Красную Армию!» Береги мои стихи». Дарья с тех никогда не улыбается, только молчит. Тяжелая судьба у семьи Грызловых. Сам Василий занемог после принудилочки и умер.

От былого поместья Грызловых остался только клочок: дали им маленький кусочек земли, а остальное разделили между сельчанами-колхозниками. Теперь там живет одна из младших дочек Василия Грызлова, Лиза. Она вернулась в село спустя много лет скитаний. Уходила из своего дома, крадучись, с одним узелком, еще подростком, когда активисты ее брата Кирилла посадили на обоз, чтобы в тюрьму везти. Но тянет родная земля, сильны корни ее. Правда, теперь на ее долю выпали новые испытания: Лиза не вступила в колхоз, сильна их вера, и огромные налоги теперь задавливают и без того обедневшую женщину с годовалой дочкой на руках. Соседи рассказывают, что поехала она как-то в лес за дровами на санках — дом холодный, плохо отапливаемый, трудно согреть себя и грудную девочку. А там, в лесу, нагнал ее объездчик и отнял топор, приговаривая: «Кулацкому отродью ходить только по одной стезжке велено и соваться сюда не имеете права!» Но в селе много добрых людей, не дали Елизавете пропасть.

Дети Грызловых — как семечки в подсолнухе: росли под крылом отца и матери, а время такое настало — каждая семечка выпала из подсолнуха... Но не сдались они, даже под снежной толщиной проросли. К солнцу тянулись, к свету...

Несколько дней спустя я был в Воронеже. Успешно сдал материал и тему, которую задал мне главный редактор про бывалого фронтовика, кажется, раскрыл в нем неплохо. А еще я решил написать рассказ о семье Грызловых. Не отпускала меня история, которую поведал дед Пантелей. Я поделился замыслом с нашим главным редактором Андреем Николаевичем, но тот вдруг расстроился и даже несколько побледнел: «Не время сейчас писать о таких событиях в нашей непростой истории. Ни одно издание тебя с таким с таким материалом на свои страницы не пустит. Жди. Может быть, когда и придет иное, лучшее время...»

И я ждал. И написанный мной рассказ тоже ждал. Долго ждать нам пришлось...